

Астафьев Виктор День Победы (Из повести Так хочется жить) astafevvictor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

Я подумал сперва, что на нас напали и что у меня всего пять патронов и чем я буду отбиваться?.. Конечно же, не сразу, но почти все понял и поднялся с брюха и какое-то время стоял, ничего не соображая, и только видел трассирующие струи в небе, яркие разрывы, скрестившиеся лучи прожекторов, и до меня донесло крики, и сердце мое поднималось все выше, выше, и стучало все чаще, громче? вот-вот разорвется и тогда, как во сне, не слыша своего топота, я побежал к казарме и, как во сне, казалось мне? я не бегу, а медленно-медленно переставляю ноги. Но я достиг дверей казармы, вогнал в канал ствола патрон, и мой победный выстрел щелкнул неслышно в гуле и грохоте, но искорка его слилась с победными, яркими огнями, и маленький звук дополнил земной гул, содрогнувшееся а последний раз от военных выстрелов небо приняло и мой победный салют! Как я выпалил остальные четыре патрона? и не помню. Народ сыпанул из казармы, кто в чем, кто куда. Мимо мелькнула была фигура в тельняшке, но я перенял ее, бросился на шею человеку и кричал, кричал: ? Женька! Женька, ебит твою мать! Женька! Женька! Победа! Победа, блядь! Победа! ? по липу и шее катились слезы. У Женьки начались конвульсии, и я почему-то начал бить его кулаком по лбу, изо всей силы. И не знаю, этот ли новаторский медицинский прием, минуты ли высшего подъема предотвратили припадок, и Женька сказал: ? Пойдем искать старшину! Пр-рикончим его! ? Пай-йдем! ? согласился я, ? прикончим! ? Он же ж падла, подумал? бандеровцы, выскочил из каптерки и под нары... Я думал, Женька врет от возбуждения, но старшина в самом деле оказался под нарами. Женька вынул его оттуда, упирающегося, трясущегося, с полоумно оловянившимися глазами, подтянул на нем кальсоны и пощупал сзади. ? Обосрался? ? спросил я. ? Не-э, не успел, обосрался только! ? под хохот и плач солдатни заявил Женька, и мы, бросив старшину, прихватив по пути Мишу, горько и безутешно плачущего в углу, за пирамидой с деревянными макетами винтовок, ринулись во двор, где такие же, обалдевшие от радости люди бегали, кричали, обнимались, целовались и хотели, но не могли придумать, что бы еще сделать такое, чтоб высказать, выразить, выреветь то, что разрывало сердце, переполняло грудь, плескалось волнами, пластало людей долгожданной радостью, долгожданным счастьем. Пока шумел, кричал и волновался народ, наступило утро, рассвело, но никак и никого не могли собрать на построение и на завтрак. Шли кто как, кто когда, но в унылой столовке, за унылыми длинными столами, сколоченными из двух неоструганных плах, с дощатыми и тоже неостругаными сиденьями, за половником жидкого картофельного пюре, проткнутого в середине? для масла, которое отчего-то везде и всюду забывали плеснуть или плескали столько, что его и не видно было, или вместо масла пенился белый харчок, победное, праздничное настроение поутихло. Попили жидкого, жестяными тазами отдающего чая, съели хлеб со щепоткой сахару и попробовали снова выплеснуться в праздничный, заказарменный мир, но ворота и все выходы из расположения полка снова были заперты, удвоены возле них караулы, и только ползающие по крышам казарм солдаты, устанавливающие наверху красные флаги и свеженаписанные плакаты, да громко ревевший у танкистов-соседей динамик? и напоминали, что ничего нам не приснилось, Победа на самом деле пришла! Сразу же после завтрака меня пригласили к дежурному по части и без лишних слов препроводили на гауптвахту "за нарушение уставного порядка и оскорбление старшего по званию". ? Вы мене ще помянете! ще помянете! ? грозил мне пальцем Гайворенко-Пивоваренко. ? Пр-рыкончим! Поки вы мэнэ прикончите, я вас сгнюю у арестанской комори. Гауптвахта располагалась рядом с прачечной. В подвальном помещении с низким потолком было сыро и полутемно. Нары почти касались каменного пола, скрывшегося под многолетним, притоптанным слоем грязи; продолговатое окно было так мутно и так грязно, что сколь я его ни тер, видимости не добавилось. Тогда я оторвал доску от нар и вышиб стекло? до меня донесло музыку, говор, смех, и, вытащив осколки стекла из квадрата рамы, я глядел на мимоидущие ноги, на вниз опускающуюся, запруженную народом и красными флагами и цветами улицу. По случаю праздника гауптвахта была пуста, сделалась для меня одиночкой. Я поплакал, лежа на нарах, потом поспал, потом проснулся с чувством необлегченной обиды и заставил себя вспомнить о том, где и как я встретил начало войны? Я снова поплакал и снова уснул. Вдруг засов загремел, как в кинокартине, где возмущенный и разъяренный пролетариат освобождает любимых большевиков, как в кино же, лязгнуло железо, распахнулась дверь, и, как в патриотическом кино же, яростный раздался возглас революционного моряка: ? Выходи! В дверях стоял всамделишный пьяный и взбешенный моряк? Женька, сжимающий в кулаке гранату-лимонку, которая при ближайшем рассмотрении оказалась замком. За ним маячил еще кто-то и еще кто-то. В отдалении, за спинами бойцов ныл постовой: ? Ну мне ж попадет, ребята! Ну зачем же вы замок сорвали? Ну, меня ж посадят...

Астафьев Виктор День Победы (Из повести Так хочется жить) astafevvictor.ru
Женька никого не слушал и никому не подчинялся. Он презрительно бросил замок в угол подвала, приблизился ко мне, вынул из-за пазухи недопитую бутылку, выковырял из одного кармана мятую кружку, из другого луковицу, еще похлопал себя по всем карманам и более ничего не нашел. Он налил мне полкружки зелья и сказал: ? Для начала маленько, а то худо будет, ? и возгласил, мотая бутылкой перед столпившимся в дверях народом: ? За Великую Победу! За нашу славную Победу! Ур-ра-а! ? и припал к горлу бутылки, глотнул и сунул ее в народ. А я тяпнул из кружки жидкой, противной жидкости и задохнулся, прижав ко рту рукав гимнастерки. ? Эй, ты, попка! Отдай человеку обмотки и ремень! ? скомандовал постовому Жорка. ? Да оне же у старшины. Мне же попадет! Вы ч? делаете, бляди! ? Это ж нападение... Трибунал же мне и вам. ? Молчи! Выпей и заткнись! Дайте ему выпить! Ярик, у тебя ч?-нибудь осталось? ? В мэни трошки е! ? высунулся из толпы Миша из Грицева, к моему удивлению маленько выпивший и все еще плачущий. Он отдал Жорке чуть початую бутылку чистой водки. ? Хоронив. До свитлого дня хоронив. Вид хлопцев прятав. Я на часы ей вымэняв. ? И, заливаясь слезами, продолжал. ? Я ж просыв. Просыв того часового: "Пусты мэне до Выти, пусты мэне до Выти. Мы умести посыдымо. Мабуть, выпьем, дэнь-то який!". А вин: "Нэма ключа, нэма ключа..." Женька завез по плечу Мише: ? Все мы контуженные ? люди союзные. Выпей, Витек, выпей еще! Ты ж ее, эту Победу, выстрадал! Они по три раза ранены, да? Старшина... ? и вдруг взвился. ? Пойдем! Пойдем кончать эту падлу! Меня быстро разобрало, и мы ворвались в каптерку старшины. Женька снова с замком в кулаке, я с бутылкой. Каптерку мы заперли на задвижку, оставив за дверьми толпу любопытных. ? Та хлопцы! Та шо вы? Та яж як лучше хотив... служба ж... ? лепетал старшина, вжавшись в угол каптерки. ? Ладно! ? сказал Женька и побрякал замком по лбу старшины. ? Не будем такой день мы губить и поганить. Но мы тебя все равно кончим! ? и сделал многозначительную паузу. ? Так кончим, что ни одна собака следов не найдет! Понял?! Старшина, слабея ногами, сажился на топчан, ничего не отвечал. ? Понял, спрашиваю? ? Поняв, хлопни, поняв! ? лепетал старшина и показывал в изнеможении на тумбочку. ? Там, там... На тумбочке в пузырьке была валерьянка. Женька презрительно оттолкнул ее, вылил из моей поллитровки остатки водки и сунул кружку старшине: ? Вот что тебе сегодня надо пить. Пей! За Победу, которую мы раздобыли, и для тебя! Пей! И дело разумеи!.. Старшина покорно выпил водку и в ту же кружку накапал валерьянки и, ее выпив, сипло сказал, прослезившись: ? Спасибо, хлопцы! Ох и трудно ж з вами, ох трудно! После обеда, среди двора собрался народ и построен был поротно, вынесено было знамя полка, явились разряженные офицеры, и начался митинг, вялый, с казенными речами и патриотическими призывами, ? хвастаться-то конвойному полку особо нечем, а без хвастовства и бахвальства какой у нас может быть митинг, какое собрание, но для выкриков, лозунгов и битья себя в грудь, конечно, наскреблось кое-что в истории и этого полка и в головах его храбрых офицеров. Главное было орать здравицу Сталину и при этом желательно прослезиться, тогда и у нас, у всех, у рядовых, недобитых, закладывало в груди и нутро окутывало горячим паром. Такие уж мы люди русские, чувствительные люди, от веку слезой расслабленные. ? перебьем друг друга и досыта наплачемся, обнаружив, что зря впопыхах перебили друг дружку. Тут, на митинге в честь Дня Победы в городе Ровно я услышал цифру наших потерь на войне ? двадцать шесть миллионов человек. Но потом все "уточнилось" и цифра была округлена. Да и что нам, такой огромной стране, какие-то шесть миллионов! В стране, где людей называли винтиками и гордились свежестью этого технического термина. Где при невинной акции создании коллективного труда в сельском хозяйстве, смели с земли, сжили со свету беспощадно карающей рукой новых хозяев земли русской, тучи народа, где под видом борьбы за чистоту рядов партии и нового сообщества истребили и самоистребились десятки миллионов "врагов народа" и столько же охраняло и истребляло их, таким вот "ловким" способом, спасая свои шкуры от борьбы с истинным врагом, которого пришлось добывать мальчишкам и не по разу раненым доходягам, коих даже с большой натяжкой уж невозможно было назвать бойцами. И все же на фронте был "катастрофический недокомплект", как говорит один честный герой в честной книге Богомолова, и нам приходилось работать за десятерых, тащить фронт на плечах и вернуться домой надорванными до того, что многие, переступив порог мирного дома, тут же и примерли. Их тоже полагалось бы причислить к потерям на войне, хотя, и те потери, которые мы понесли только на фронте, оказались невосполнимы, в русской нации осталась такая брешь, которая никогда уже русскими людьми не восполнится, нации нашей, молодой и доверчивой, не суждено вернуться с прошлой войны, а то, во что она превратилась, ? нацией уже назвать нельзя, это ассимилированный сброд, не осознающий себя и своей земли, не имеющий устоев и своей культуры, сброд, из которого, может, через века что-то и получится, но дано ли ему будет перевалить хотя бы через ближний рубеж двадцатый век, в который народ наш так и не узнает правды о войне и ее истинных потерях. В гнусной книжонке, написанной для "закрытого пользования" о

Астафьев Виктор День Победы (Из повести Так хочется жить) astafevvictor.ru Солженицыне, какой-то чех или мадьяр все время называет цифру ? двадцать семь миллионов, и "закрыто" пользующиеся книгой, "закрытые люди" ни одной скобкой не опровергли эту цифру. Сам Солженицын исчисляет количество потерь наших в сорок семь миллионов. Чванливый, так и не сдавшийся в плен фельдмаршал фон Маннштейн в книге "Утраченные победы" сообщает, что только к концу сорок третьего года от войны и голода мы потеряли тридцать миллионов. Разумеется, фон Маннштейн и не знал, как и мы тоже не знали, что в тылу у нас сытые и озверелые псы-костоглоты ежечасно и ежедневно гробили сотни тысяч людей, необходимых фронту и нашему хозяйству, и били нас с тыла так ощутимо и верно, как, может быть, наши доблестные партизаны не били фашистов-чужеземцев в военном тылу. И, наконец, еще одна прелюбопытнейшая деталь ? почти через сорок лет после Победы, действительно выстраданной, великой кровью и слезами народа нашего, завершился многолетний, пристально отредактированный "труд" под названием "История Великой Отечественной войны". Ну, к благородному слову "история" это словесное "варево" и бумажная "стряпня" наших придворных генералов имеет мало отношения, но вот в завершающем томе "истории" появилась коротенькая, однако очень любопытная и интригующая добавка: наши потери на войне оказываются: "свыше двадцати миллионов". Можно себе представить, сколько "мужества", гибкости ума, крючкотворства, изворотливости было проявлено, чтоб "протащить" в сей исторический "труд" это коротенькое словцо, дающее полную свободу читателю думать как угодно, вести арифметику войны на свой лад. Но к счастью или к сожалению ? не знаю, как и думать, "историю" мало кто читает, доверяют ей лишь школьники да выжившие из ума старики. 1991

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!